

УДК 001.89(049.3)

Рецензия на книгу Ива Жэнгра «Социология науки»

Book Review: *Sociology of Science*, by Yves Gingras

Keywords: social and institutional history; normative framework; constructivist and relativistic sociology; epistemology.

Жэнгра И. Социология науки = Sociologie des sciences / Ива Жэнгра; пер. с фр. С. А. Гашкова; под ред. О. И. Кирчик. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 111 с. — (Социальная теория). — ISBN 978-5-7598-1526-6 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1646-1 (e-book).

Книга французского исследователя Ива Жэнгра посвящена актуальным вопросам сравнительно молодой области современной эпистемологии — социологии науки. Что представляет собой научное знание? Существуют ли социальные и культурные факторы, способствующие развитию науки? Какие институты содействуют или препятствуют этому развитию? Кто такие ученые? Почему возникают споры в науке? Несмотря на (казалось бы) традиционные вопросы, автор, рассматривая взаимосвязи науки и общества, ставит под сомнение сложившиеся представления об устройстве научного знания.

Как известно, науки, понимаемые в широком смысле как изучение природы, основанное на разуме, наблюдении или эксперименте, могут быть рассмотрены с разных сторон. Если мы понимаем под наукой корпус методически полученных и признанных за истину знаний, то она может стать объектом философского анализа. Если мы рассматриваем науку с точки зрения ее эволюции во времени, то у нее, безусловно,

есть своя история. Если мы представляем себе науку как творческий процесс, то здесь есть работа для психологов.

После Второй мировой войны науки обрели новую политическую силу, поэтому политологи поставили вопрос об отношениях между политической властью и наукой. Что же касается экономики, она интересуется больше изобретениями и инновациями, чем наукой как таковой. Наконец, в качестве институционализированных социальных практик науки могут стать предметом социологического изучения. Автор считает, что в отличие от психологии науки, все еще слабо развитой, и политологии науки, которая пока не является полноценной специальностью в составе университетских кафедр политических наук, история, философия и социология науки в 1960—1970-е гг. стали относительно автономными специальностями. У каждой из них есть свои кафедры, журналы и ученые общества. Их общий предмет — наука — создает предпосылки для их взаимодействия, которое происходит в разное время и с разной

интенсивностью. Так, история научных идей поднимает вопросы, важные для эпистемологии, видящей в исторических фактах предмет для философствования, а социальная и институциональная история едва ли сможет уйти от вопросов социологического порядка. Наконец, социологи часто заимствуют свой материал у историков, и некоторые из них утверждают, что сама эпистемология имеет социальные основания. Хотя наука как общественный институт появляется в XVII в., а деление на дисциплины происходит в XIX в., науки становятся предметом социологической рефлексии главным образом начиная с 1930-х гг. Как и в случае истории и философии науки, первыми внесли вклад в развитие этой новой области сами ученые, задавшиеся вопросом о своих практиках и об отношениях между наукой и обществом, порой довольно непростых.

Жэнгра выделяет в развитии социологии науки три больших периода. Первый, с конца 1930-х до начала 1970-х гг., отмечен работами американского социолога Роберта К. Мертона (1910—2003), создателя первой социологической теории науки как относительно автономной социальной системы с присущими ей ценностно-нормативными регулятивами. Анализ Мертона происходит на макро- и мезосоциологическом уровнях: вопросы касаются институциональных и нормативных структур, организующих научную практику. При этом подходе используются главным образом количественные методы и опросы. Во второй период, начавшийся примерно в 1970 г., появляется концепция, носящая более конфликтный и более критичный по отношению к научному развитию характер. Новое поколение социологов отказывается от анализа институтов и критикует мертоновские

нормы как не вполне соответствующие реальной практике и не имеющие объяснительной силы. В фокусе их внимания оказываются социальные процессы конструирования знания. Тем самым вновь обретают актуальность вопросы, относящиеся к социологии знания — области исследования, получившей заметное развитие в межвоенный период, но заброшенной сразу после Второй мировой войны. Данный подход, настаивающий на активной роли социальных акторов в производстве знания, стал преобладающим в конце 1970-х гг. и получил название «конструктивистской» и «релятивистской» социологии научного знания. Предпочтительный метод в этот период — кейс-стади, т. е. изучение конкретных случаев, исторических или современных. Анализ производится главным образом на микросоциологическом уровне, — уровне взаимодействия акторов, на базе качественных наблюдений и интервью. Релятивистский характер конструктивистских работ, не всегда четко различающих методологические позиции и эпистемологические постулаты, породил множество споров. Эти споры утихли в начале 1990-х гг., так как релятивистский радикализм привел лишь к солипсизму. Третий период в развитии социологии науки начинается в 1990-х гг. Так, можно наблюдать возвращение к институциональному и нормативному анализу, а также к вопросам макросоциального уровня, которые были важны в начальный период развития социологии науки: отношения между знаниями и демократией или связи между науками, политикой и экономикой. Как и в предшествующие периоды, социальный и политический контекст конца XX в., когда неолиберальное видение общества и его институтов достигнет наибольшего влияния, станет ориентиром для социологов науки.

Автор подчеркивает, что предмет данной книги — *социология науки*, а не *социологи науки*. Поэтому он видит свою задачу не в критическом обзоре огромного и многообразного массива литературы по этой теме. Напротив, читателю предлагается синтез самых значительных работ в данной области, призванный осветить динамику науки начиная с XVII в. Автор показывает, что в действительности разница между исследованиями, сменявшими друг друга в течение десятилетий, связана скорее с различием в масштабе наблюдений, нежели с тем, что последующие исследования могли оказаться правильнее предшествующих взглядов на динамику науки. Строго указывая уровень наблюдения (микро-, мезо- или макро-), можно избежать лишних споров и ложных оппозиций. Ведь макросоциальный анализ нормативной системы науки часто напрасно противопоставляют интеракционистскому анализу обменов мнениями между учеными в контексте дискуссии или работы отдельной лаборатории. И в самом деле, какому физическому процессу пришлось бы оспаривать закон идеального газа на основании того, что в действительности перемещения атомов случайны и непредсказуемы? Эти уровни, конечно, зависят друг от друга, потому что верхний (макроуровень) служит рамкой для нижестоящих (мезо- и микроуровней). В зависимости от поставленных задач и избранного метода, анализ можно провести на одном из этих уровней или же при их сочетании. Это определило структурную организацию книги.

В первой главе автор ставит вопрос о социокультурных основаниях, которые делают науку возможной, и показывает, как научный мир взаимодействует с другими общественными институтами. Со времени своего

зарождения в XVII в. наука сама является общественным институтом, поэтому во второй главе упоминается о способах ее институционализации и распространения, а также о многообразии мест, в которых ею можно заниматься. Институционализация обеспечила науке определенную автономию по отношению к другим социальным сферам: она стала все больше управляться своей внутренней динамикой. В основе этой динамики лежит нормативная система, регулирующая отношения между учеными и реагирующая на споры, вызванные вопросами первенства, а также на случаи интеллектуального мошенничества (подлоги научных результатов), которые встречаются все чаще начиная с 1990-х гг. Как и любая другая общественная система, наука имеет свою иерархию, стратификацию и борьбу за признание, находящиеся в самом средоточии ее динамики. Наконец, существование многочисленных споров (контроверз) между учеными ставит вопрос о роли социальных факторов в процессе производства и апробации научных знаний. В четвертой главе автор задается вопросом: определяется ли достоверность научных результатов только по рациональным критериям логической последовательности и соответствия эмпирическим фактам — или она также может быть рассмотрена в качестве результата тех социальных процессов, которые объясняют, почему одним и тем же фактам ученые могут предложить разные объяснения?

В ходе краткого рассмотрения этапов, пройденных социологией науки, читатель получит более полное представление о социальных факторах, которые повлияли на ход развития и последовательных изменений в разных областях науки начиная с XVII в. Он также сможет получить представление о концептуальных

инструментах и методах, созданных социологами науки для изучения динамики научной деятельности.

Термин «наука» используется в книге во множественном числе, когда необходимо напоминать о том, что науки различаются между собой по методу и предмету и что у них могут быть разные социальные последствия. Но, несмотря на особенности каждой из них (исключая математику, которая представляет собой язык формального доказательства), разные науки объединяет идея наблюдения, опыта и объяснения феноменального мира. Поэтому автор

использует единственное число, говоря о научном подходе, «методе» или этосе науки в целом.

Иногда завораживающий, а порой зловещий образ ученого, который в одиночку совершает открытия в своей лаборатории, уходит в прошлое. Сегодняшняя наука, как убедительно показывают социологи, является коллективным и нередко международным предприятием. Книга адресована социологам, культурологам, философам и историкам науки и, безусловно, поможет аспирантам в подготовке к кандидатскому экзамену по истории и философии науки.

Сост. канд. филос. наук, доцент Н. П. Кнэрт